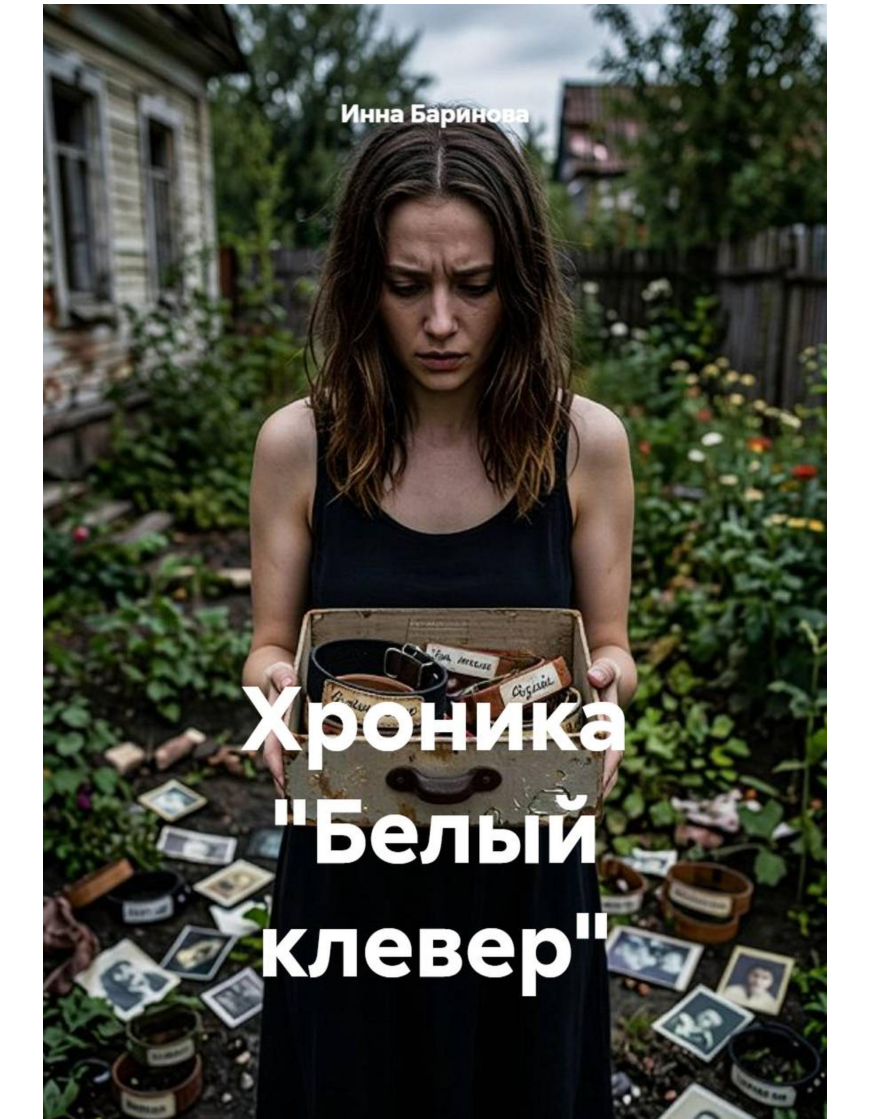

A woman with long, dark, wavy hair, wearing a black sleeveless dress, stands in a garden. She is looking down with a somber expression at a cardboard box she is holding. The box contains various old items, including a metal bucket, a leather strap, and several small, rectangular objects with handwritten labels. The garden is filled with green plants and flowers, and several small, rectangular objects, similar to the ones in the box, are scattered on the ground around her. In the background, there is a wooden fence and a house with a porch.

Инна Баринова

Хроника "Белый клевер"

Инна Баринова

Хроника "Белый клевер"

<https://litres.ru/74601567>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хроника "Белый клевер" — история о любви, утрате и времени, которое движется по кругу.

Главная героиня Инна, разобрав старую коробку с ошейниками умерших животных, обнаруживает способность переноситься в прошлое. Каждый «прыжок» возвращает её к ключевым моментам жизни её питомцев и близких: собаки Грины и Кармен, котов Гарфилда, Барсика, Перси и Марса, бабушки и дедушки. Инна пытается изменить судьбы — продлить кому-то жизнь, кому-то подарить достойное прощание, а кого-то просто удержать ещё на один вечер.

Книга построена как цепочка глав-воспоминаний, каждая из которых посвящена отдельному существу. Сквозная мысль: время — не прямая линия, а замкнутый круг, и если идти по нему достаточно долго, можно вернуться к точке, где все живы и любимы. Но каждый прыжок доказывает — нельзя спасти всех; иногда единственное, что можно дать, — это присутствие здесь и сейчас.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Инна Баринова

Хроника "Белый клевер"

Глава

Пролог. Письмо, написанное мокрым носом
Коробка стояла на антресолях двадцать три года.

Инна забыла о ней. Точнее — сделала вид, что забыла. Антресоли в прихожей были высоко, и чтобы дотянуться, приходилось тащить табуретку, а табуретка больно царапала линолеум, и муж всегда ругался. Поэтому коробка оставалась там, над головой, пыльная и легкая, пока однажды в субботу, разбирая завалы перед ремонтом, Инна все-таки сдернула ее вниз.

Картон хрустнул. Внутри лежали ошейники. Она узнала их сразу — по запаху. Странно: двадцать три года, а запах остался. Теплая шерсть, намокшая под дождем. Слюни на пластиковой пряжке. Мятная трава, в которой кто-то валялся. Лекарства. Старость. Июль.

Сверху лежал ошейник Грины — широкий, кожаный, с потертым шипом. Грина любила класть голову Инне на колени и вздыхать так, будто несла на плечах всю тяжесть мира. Инна провела пальцем по тиснению. Имя, выжженное в мастерской за сто двадцать рублей: «ГРИНА». Буква «Р» вы-

шла кривая, но Грине было все равно.

Под ним — тонкий полосатый ошейник Гарфилда. Рыжий, как осень. Гарфилд ненавидел его, тер лапой морду, пытался стянуть о плинтус, и однажды Инна сдалась и оставила его безымянным. Ошейник так и остался лежать в тумбочке — неношенный, чистый, бесполезный.

Дальше пошли хомячьи. Совсем крошечные, на липучках, с дурацкими стразами, которые отвалились на третий день. Шурочка. Иришка. Верочка, Маша. Инна когда-то писала их имена фломастером прямо на пластике переноски, потому что ошейники для хомяков — это смешно. Но купила. «Они же девочки, — Девочки любят красивое».

Инна сидела на полу в прихожей, держала в руках горсть крошечных ошейников и не могла вдохнуть. Она помнила каждого.

Грину — как та худела, переставала есть, но каждый вечер ждала во дворе. Кармен — как та умерла дома от болезни. Барсика — как он лежал на солнце и щурился, будто знал какую-то тайну. Перси — как прятался под диван, когда приходили гости. Марса — как приносилдохлых мышей на подушку, гордый и нелепый.

Сью и Лизу — как они дрожали, когда Инна брала их на руки, и как переставали дрожать через минуту, утыкаясь носом в шею.

Стеллу, Стива, Соню — трех котят в картонной коробке. Их родила наша кошка Мурка. А потом Стив заболел. Потом

Стелла сразу за ним. Соня прожила дольше всех, но тоже умерла из-за болезни.

Хому, Тасю, Васю, Шустрика, Шурика, Шурочку, Иришку, Верочку, Лешу Инна даже не могла вспомнить всех по порядку. Они мелькали, как спицы в колесе: быстрые, шумные, вечно копающиеся в опилках. Джейн и Джиппи — морские свинки, купленные, которые свистели, когда открывался холодильник.

И бабушка. И дедушка. Инна зажмурилась. Она вдруг поняла, что время, которому она покорно подчинялась двадцать три года, на самом деле — не река. Не стрела. Не линия, по которой можно только вперед.

Это круг. Замкнутый, как ошейник. И если идти по нему достаточно долго, можно выйти к той самой точке. К тому самому дню. К тому самому часу, когда Грина еще дышала, когда бабушка месила тесто на пирожки, когда котята в коробке еще ждали, мяукая тонкими голосами.

Инна подняла ошейник Грины и поднесла к лицу. Она почти физически ощутила влажный, холодный нос, ткнувшийся в ладонь. Грина всегда приветствовала ее вот так: сухой нос для чужих, мокрый — для своих.

«Ты где была? — спрашивала Грина без слов. — Я ждала».

Инна открыла глаза.

— Я иду, — сказала она вслух.

Круг ждал. Оставалось только сделать первый шаг — про-

тив стрелки. Против смерти. Против всего, что казалось незыблемым. Она взяла с вешалки куртку. Надела ботинки. Сунула в карман ошейник Грины — на удачу.

Глава 1. Грина. Первый прыжок

Переход случился не тогда, когда Инна решила. А когда перестала думать. Она сидела на краю кровати, сжимая в кулаке ошейник, и смотрела на стену. Обои в цветочек. Цветочки выцвели, края отклеились у плинтуса.

Инна моргнула. И провалилась. Не в обморок, не в сон. Время просто сложилось пополам, как простыня, и перевернулось. Запах сырости и пыли выдуло сквозняком. Вместо него пришел другой воздух — горячий, пахнувший разогретой землей, молодой листвой и собакой.

Инна стояла посреди собственного двора. Но двор был другим, не как сейчас.

Июнь. Двадцать три года назад. Инна посмотрела на свои руки. Молодые, без пигментных пятен, без выступающих вен. Сердце ударило так, что заложило уши.

— Ну что ты встала? — голос мужа долетел из кухни. Голос мужа. Живой. Мужу здесь тридцать семь. — Иди встречай!

Встречай. Инна вспомнила. Этот день — она прокручивала его в голове тысячу раз, как старую видеокассету, где изображение плывет, но звук еще держится.

К дому подъехала женщина на мотоцикле. Не одна. У нее в руках картонная коробка с дырками, и она улыбается.

— Сюрприз! — кричит женщина рядом с колиткой.

Инна тогда выбежала в носках, поскользнулась, чуть не упала. И увидела ее. Щенка. Маленького, коричневого, с огромными лапами и глазами цвета растопленного шоколада. Щенок сидел в коробке, перебирая лапами по картону, и дрожал. Не от страха — от нетерпения. Он так хотел вылезти, познакомиться, лизнуть, укусить за шнурок, опрокинуть тапок, что готов был разобрать коробку по миллиметру.

— Ее зовут Грина, — сказала женщина. — В честь писателя. Грин. Александр Грин. Потому что она будет тебя ждать. У них умеют ждать.

Инна не помнила, что ответила. Помнила только, как опустила руки в коробку и щенок тут же вцепился зубами в палец — больно, но не сильно, будто проверяя: ты настоящая?

А потом был вечер. Потом была миска, купленная в спешке, и газета на полу, и тряпка, которой мама вытирала лужу, ворча, но без злости. Потом Грина уснула у Инны на коленях, и сопела, и дергала лапами во сне, убегая за воображаемым зайцем.

Инна помнила это всё. И сейчас это всё должно было случиться снова. Она стояла в прихожей, сжимая в кармане старый ошейник — тот самый, который еще не куплен, который будет куплен через неделю в зоомагазине на углу, который Грина так и не полюбит, но будет носить его. И не могла двинуться с места. Потому что если она сейчас выйдет в коридор, увидит коробку, увидит щенка... Она сломает время.

Она что-то изменит. Скажет не то слово. Возьмет не так. И Грина не станет той Гриной. Или станет, но заболит раньше. Или проживет меньше. Или муж рассердится и запретит оставлять щенка.

Страх убить прошлое оказался сильнее желания его воскресить.

Инна стояла в трех метрах от двери и не могла сделать шаг.

— Инна! — муж выглянул из кухни, вытирая руки о полотенце. — Ты чего застыла? Гости пришли!

Да. Гости пришли. Инна медленно, как сквозь воду, повернула голову. Они стояли в дверях. Молодые. Волосы темные, без седины. Спина прямая, плечи расправлены. Они еще не сутулились, не носили очки для чтения, не держались за поясицу после каждого «покопаться в машине».

Инна посмотрела на щенка. Посмотрела на женщину, которая ее привезла. И вдруг поняла: время — это круг. Но по кругу можно идти в обе стороны. Можно бежать вперед, можно возвращаться назад. Но нельзя стоять на месте.

Она выдохнула. Разжала кулак. Ошейник мягко лег в карман.

— Леша, — сказала Инна. Голос дрогнул, но устоял. — Дай я посмотрю.

Муж улыбнулся шире и опустил коробку на пол.

Инна присела на корточки. Осторожно, как учил дедушка — «живое любит тишину», — отогнула картонный кла-

пан. Щенок поднял голову. Шоколадные глаза встретились с ее глазами. Мокрый нос потянулся к пальцам. Маленький хвост дернулся раз, другой, третий — и застучал по картону часто-часто, как барабанная дробь.

Я тебя знаю, — сказала Инна без слов. Я помню, как ты пахнешь летом. Как ты вздыхаешь во сне. Как твои уши шевелятся, когда ты смотришь телевизор. Я помню, как ты старела. Как седела твоя морда. Как ты в последний раз лизнула мою руку. Я пришла.

Щенок лизнул ее палец. И Инна заплакала.

Впервые за двадцать три года — не сдерживаясь, не комкая слезы в подушку по ночам. Она плакала на полу собственного двора, держа в ладонях маленькое теплое существо, которое еще не знало, что его ждет.

— Ты чего? — испугался муж.

— Счастливая, — сказала Инна сквозь слезы. — Я просто очень счастливая.

Она не знала, изменит ли это что-то. Не знала, будет ли Грина жить дольше или умрет раньше. Не знала, имеет ли право брать в руки чужую судьбу и переставлять ее, как фигуру на шахматной доске.

Она знала только одно. Если время — круг, то этот круг надо пройти до конца. Ради каждого мокрого носа. Ради каждой шерстинки. Ради каждой секунды, которую она не успела добавить. Щенок зевнул и свернулся клубком у нее на коленях.

— Грина, — прошептала Инна.

И время снова сложилось пополам. Она очнулась на той же кровати. В той же квартире. С теми же выцветшими обоями. В руке — пусто. Инна рывком села, похлопала себя по карманам. Ошейник был на месте — старый, потертый, с кривой буквой «Р». Но на коже пальца, там, где щенок лизнул ее в прошлом, осталось крошечное влажное пятно. Или ей показалось. Или нет.

За окном шумели машины. Сосед сверху начал сверлить — понедельник, ремонт. Линолеум в прихожей был исцарапан, обои отклеены. Инна сидела и смотрела на свою руку.

— Я вернусь, — сказала она тихо. — Ты только жди.

Ошейник в ее ладони дрогнул. Будто кто-то — мокрый нос, теплая шерсть, преданное сердце — ткнулся в ткань с той стороны времени. Я жду, — ответила тишина.

Глава 2. Кармен. Надежный друг

Кармен появилась в их жизни, когда Инне было одиннадцать лет.

Ее купили у заводчиков, когда ей было четыре месяца..

— Ей четыре месяца, — сказал заводчик, показывая ее документы. — Хорошая собака. Умная.

Нам она очень понравилась. Черная шерсть — строгая, как школьная форма. Уши прижаты, взгляд открытый. Она скулила, просилась на руки, виляла хвостом.

— Кармен, — прочитала Инна в документах. — Ее зовут Кармен.

Собака подняла голову. И с этого дня началась их дружба. Кармен была веселой собакой. Она носила тапки, просила еду со стола, прыгала от радости, когда Инна возвращалась из школы. Она сидела рядом, клала голову на колени и смотрела.

Папа говорил: «Эта собака всё понимает. Она не лает попусту, потому что слова у нее внутри».

Инна тогда не понимала. А потом выросла и поняла. Кармен была хранителем. Она первая чувствовала, когда у бабушки поднималось давление, и ложилась у ее ног, не давая встать и упасть. Она встречала папу с работы за три километра от дома — просто знала, что он уже идет. Она ночевала в детской, когда у Инны поднималась температура, и дышала в ладонь — прохладно и ровно, как вентилятор.

Она никого не спасала с разбегу, с лаем, с героическим оскалом. Она спасала молча. Каждый день. Каждую ночь.

Инна привыкла к ней, как привыкают к воздуху. Инна гладила ее на автомате, кормила, выгуливала — и не замечала, как та стареет.

А Кармен старела. Морда поседела. Лапы стали подволакиваться. Спускаясь по ступенькам, она уже не прыгала, а спускалась осторожно, как пожилая дама по лестнице оперного театра.

А потом мама ее позвала. Голос был ровный, будничный, как будто она сообщала о том, что скис суп.

— Кармен совсем плоха. Не ест, не встает. Папа говорит

— отмучается скоро. Ты приедешь?

Она влетела в комнату, сбивая с ног вешалку, и замерла в дверях кухни.

Кармен лежала на своем месте — у кресла. Она похудела так, что ребра проступали под шкурой, как стиральная доска. Глаза были закрыты, дыхание — редкое, с присвистом.

— Кармен, — позвала Инна.

Уши дрогнули. Медленно, очень медленно веки поднялись. Кармен посмотрела на нее. Инна упала на колени, обхватила голову собаки, прижалась щекой к седой морде. Шерсть пахла старостью и пылью — тем же запахом, которым пахнет дом, где долго никто не живет.

— Прости, — шептала Инна. — Прости меня, прости, я не успела, я думала, что у нас еще есть время, я думала...

Кармен лизнула ее руку. Один раз. Тепло. Мокро. И закрыла глаза.

Инна сидела на полу, обнимая мертвую собаку, и не могла плакать. Слезы кончились. Осталась только сухая, колючая пустота.

Папа вошел, постоял, положил руку ей на плечо.

— Ты только не вини себя, — сказал папа. — Собаки живут мало не потому, что мы плохие. А потому что они слишком быстро расходуют любовь.

Инна не ответила. Мы всей семьей похоронили Кармен за домом, под старым деревом. Мама испекла пирог. Папа сделал деревянный крестик и написал фломастером: «Кармен.

Верный друг».

Третий прыжок выбросил Инну на порог дедушкиного дома.

Она узнала это место сразу — по запаху. Ранняя осень, желтые листья, Где-то лает соседская собака — молодой, звонкий лай.

Инна стояла на пороге и не могла постучать.

Она знала, какой год за дверью. 2014-й. Бабушка еще жива, дедушка еще ходит на рыбалку. Инна подняла руку и постучала.

Дверь открыл дедушка. Ему здесь семьдесят два, спина прямая, глаза острые. Он всмотрелся в Инну, и на секунду ей показалось, что он узнает ее. Не ту Инну, которую ждут к обеду, а ту — через несколько лет, с пустыми глазами и полными карманами вины.

— Заходи, — сказал дедушка. — Замерзла.

Инна перешагнула порог. В доме пахло так же, как всегда. Пирожками, которые испекла его вторая жена.

Вошла его жена — с полотенцем через плечо, с мукой на пальцах. Увидела Инну, сидящую на полу с собакой, и ничего не спросила. Только кивнула.

— Ужинать будешь?

— Буду, — сказала Инна.

— Звони, — сказал дедушка. — Не раз в неделю. Каждый день.

— Каждый день, — пообещала Инна.

Она ехала домой.

Не туда, где родилась. Не туда, где прожила большую часть жизни. Туда, где ее ждали. Туда, где она была нужна. Это и есть дом, поняла Инна.

— Ты изменила время? — спросил он.

Инна посмотрела на него. Старого, мудрого, знающего больше, чем говорит.

— Да, — сказала она.

Дедушка кивнул.

— Я так и думал. Кармен в тот раз слишком рано ушла. А собаки не должны уходить рано. Они должны уходить, когда все, кто их любил, сказали им «прощай».

— Я не сказала тогда.

— Теперь сказала.

Инна опустила цветы на холмик.

— Я еще вернусь, — сказала она. — За тобой.

Дедушка улыбнулся.

— Мы подождем.

Инна очнулась в своем доме.

2024 год. Вечер. За окном шумят машины.

Она сидела на кровати, сжимая ошейник Грины, и смотрела в стену.

Рядом, на тумбочке, лежала фотография. Черная собака. Старая, седая, счастливая. Инна протянула руку и коснулась стекла.

— Ты была хорошей девочкой, — сказала она. — Самой

лучшей.

И ей показалось, что с фотографии вильнул хвост.

Глава 3. Дедушка. Человек, который не верил в чудеса

Дедушка не верил в чудеса. Он верил в лопату, в семена, в прогноз погоды и в то, что картошку нужно окучивать три раза за лето, а не два, как советуют дураки из телевизора. Он верил в руки — свои, мозолистые, с выступающими венами и навсегда въевшейся под ногти землей. И в тишину.

Инна помнила его тишину. Дедушка мог молчать часами — не напряженно, не обиженно, а наполненно. Как молчит земля перед дождем. Как молчат старые деревья, когда им нечего доказывать.

Она боялась этой тишины в детстве. А потом выросла и поняла: дедушкина тишина — это не пустота. Это разговор. Просто на языке, который она забыла.

Инна сидела на краю своей кровати и сжимала ошейник Грины.

Четвертый прыжок должен был случиться сегодня. Она долго к нему готовилась. Перебирала фотографии, искала нужный год, нужный день, нужный час. Дедушка уходил дважды — сначала из жизни, потом из памяти. Сначала перестало биться сердце, потом перестали звучать в голове его голос и его присказки: «Тише едешь — дальше будешь», «Глаза боятся, а руки делают», «Земля ложь не прощает».

Она боялась этого прыжка больше, чем всех остальных.

Потому что дедушка был не Кармен, не Грина. Дедушка

был свидетелем. Он помнил ее маленькой. Он помнил, как она училась ходить, держась за его палец. Он помнил, как она разбила его любимую банку с солеными огурцами и рыдала три часа, а он только вздыхал и собирал осколки.

Если она ошибется, он заметит. Если она скажет лишнее — поймет. А он не верил в чудеса.

Инна закрыла глаза.

2011 год. Конец мая. Дача в Астрахани. Она узнала это место по запаху цветущей сирени и прошлогодней листвы. Солнце било в лицо — низкое, утреннее, еще не злое. В палисаднике набухали пионы. Инна стояла посреди огорода в легком платье, которого никогда раньше не видела. Лямка сползла с плеча. Ноги босые, в пыли. Рядом — ведро с рассадой.

— Не туда смотришь, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Дедушка стоял в двух шагах. В руках — тетка, на плечах — старая клетчатая рубашка, выцветшая до серости. Лицо темное от загара, морщины собрались у глаз, как лучи. Он смотрел на нее спокойно и внимательно.

— Перец любит, чтобы его спрашивали, — сказал дедушка. — А ты стоишь молча, как перед покойником. Он и не растет.

Инна открыла рот. Голос застрял где-то между горлом и сердцем.

— Я... я не знала, что перцы надо спрашивать.

— Все надо спрашивать. Овощи, деревья, землю. Даже

сорняки, если хочешь, чтобы ушли по-хорошему. — Он опустил тятку и присел на корточки, разминая в пальцах комок земли. — Смотри.

Он взял рассаду — хилую, с поникшими листьями — и осторожно, двумя пальцами, расправил стебель.

— Ты не командуй, — сказал он растению. — Ты проси. Земля не рабыня, она помощница. Скажи ей: давай вместе. Она и даст.

Инна смотрела на его руки. Крупные, грубые, с узловатыми суставами — они двигались с почти ювелирной нежностью. Те самые руки, которые строили дом, чинили крышу, таскали мешки с картошкой. И которые в последний раз она держала в больнице — бледные, бессильные, опутанные капельницами.

— Дедуш, — сказала Инна.

Голос дрогнул.

— М?

— А ты веришь... ну, что можно исправить что-то, что уже случилось?

Дедушка не поднял головы. Продолжал возиться с рассадой, приминая землю вокруг стебля.

— Исправить, — повторил он. — Это ты про огрехи? Перекопал не там, семена перепутал?

— Нет. Про другое. Про... — она запнулась. — Про людей. Про время.

Дедушка помолчал. Потом взял другое растение, осмот-

рел корни, покачал головой.

— Время, — сказал он. — Время — это та же земля. Если не вовремя посеешь, урожая не жди. А пересадить дерево, когда оно уже принялось — только загубишь.

— А если дерево болеет? Если оно погибает, а ты знаешь, где та лунка, в которой оно выросло здоровым?

Дедушка поднял глаза. Они были светлые, выцветшие до голубизны, как весеннее небо. Инна смотрела в них и видела то, чего не замечала раньше: в их глубине жила печаль. Тихо, без жалоб, без вопросов.

— Ты про что, Инна? — спросил он.

Она вздрогнула. Он назвал ее по имени. Не внучка, не дочка сына, не «ты». Инна.

— Я просто... думаю.

— Думай. — Он вернулся к рассаде. — Думать полезно. Только не путай мысли с тоской. Тоска — она как сорняк. Если не вырвать с корнем, всё поле заглушит.

— А как отличить?

Дедушка усмехнулся.

— Тоска просит оглянуться. Мысль просит наклониться и сделать. — Он похлопал ладонью по земле. — Вот. Сажай. Узнаешь разницу.

Инна опустилась на колени рядом с ним. Земля была прохладной, влажной, пахла дождем и червями. Инна взяла в руки стебелек — тонкий, беззащитный — и осторожно опустила корни в лунку.

— Так?

— Жидко, — сказал дедушка. — Земли добавь. Не жалея.

Корень должен чувствовать дом.

Инна присыпала корни, прижала ладонями. Земля мягко подалась.

— А теперь попроси, — напомнил дедушка.

— О чем?

— Не важно. О чем хочешь. Он услышит.

Инна посмотрела на перчик. Хилый, зеленый, с парой бледных листочков. Ему было холодно и страшно в этом огромном огороде, среди сорняков и жуков.

— Раста, — шепнула она. — Пожалуйста.

И ей показалось, что стебелек чуть распрявился.

Дедушка кивнул.

— Видишь? Он тебя услышал. — Он поднялся, отряхивая колени. — Теперь поливай и не дергай. Лишняя забота хуже, чем недозабота.

Инна сидела на корточках, перепачканная землей, и смотрела на свою рассаду. Дедушка стоял рядом, опираясь на тятку, и молчал. Его тишина обволакивала, как теплый плед.

— Дедуш, — сказала Инна. — А ты когда-нибудь жалел, что не сказал кому-то важные слова?

— Жалел.

— Почему не сказал?

Он долго молчал. Потом посмотрел куда-то вдаль, за забор, где над соснами поднималось солнце.

— Думал, успею. — Пауза. — Не успел.

Инна прикусила губу.

— А если бы у тебя был шанс вернуться и сказать?

Дедушка перевел взгляд на нее.

— Вернуться, — повторил он. — Ты все про возвращение.

Кто тебя надоумил?

— Никто. Я сама.

— Сама, значит. — Он помолчал. — Скажи-ка мне, Инна.

Вот ты сейчас здесь, со мной, перцы сажаешь. А дома у тебя кто? Муж? Дети? Собака?

Инна замерла.

— Собака, — сказала она. — Была. Грина.

— Была, — повторил дедушка. — А теперь нет?

— Теперь... есть. Снова.

Он смотрел на нее долго, не мигая. Инне казалось, что он видит ее насквозь не ту двадцатилетнюю девушку в легком платье, стоящую босыми ногами в пыли, а ту, другую. Тридцатисемилетнюю. С ошейником в кармане.

— Чудес не бывает, — сказал дедушка. — Но бывают люди, которым чудеса случаются. Потому что они не ждут, а делают.

Инна молчала.

— Ты только не надорвись, — добавил он. — Всех не спасешь. Земля большая, а руки у тебя одни.

Он развернулся и пошел к сараю. Широкая спина, клетчатая рубашка, чуть заметная хромота на левую ногу — еще

с войны, о которой он никогда не рассказывал.

— Дедуш! — крикнула Инна.

Он остановился.

— А ты? Тебя можно спасти?

Он не обернулся.

— Меня не надо спасать, — сказал он вполголоса. — Я свое прожил.

— Но я не хочу, чтобы ты уходил!

Тишина. Потом дедушка медленно повернулся.

— Инна, — сказал он. — Я старый. Я устал. Я вырастил сад, построил дом, воспитал дочь, сына, дождался внучек. Что мне еще делать на этой земле?

— Жить, — сказала Инна. — Просто жить.

Он улыбнулся. Это была редкая улыбка — такая, от которой морщины разбежались во все стороны, как солнечные зайчики. Дедушка улыбался только тогда, когда был по-настоящему счастлив.

— А я и живу, — сказал он. — Пока ты здесь, пока перцы сажаешь, пока спрашиваешь глупости — я живу.

Он вошел в сарай и закрыл за собой дверь. Инна осталась стоять посреди огорода. Она вдруг поняла: дедушка знает. Не точно, не словами, не фактами. Но знает — нутром, кожей, той самой земляной мудростью, которая не требует доказательств. Он знает, что она из другого времени. Он знает, что она пришла проститься. И он не гонит ее, не требует объяснений, не просит остаться. Он просто учит сажать пер-

цы. Потому что это единственное чудо, в которое он готов верить. Земля. Семена. Руки. Время, которое движется по кругу, возвращая нас к самым важным вещам.

Инна опустилась на колени и взяла следующее растение.

— Расти, — шепнула она. — Пожалуйста.

Она провела на даче весь день. Сажала перцы, полола грядки, таскала воду из колодца. Дедушка молча работал рядом — чинил забор, перебирал инструменты, курил на крыльце, глядя в небо.

К вечеру дедушка позвал ужинать. Инна сидела за столом, ела картошку с укропом и смотрела, как дедушка макает хлеб в соль. Обычный вечер. Обычная жизнь. То, что она тысячу раз видела и не ценила.

— Оставайся до воскресенья, — сказал дедушка. — Я пирогов напеку.

— Не могу, — ответила Инна. — Мне завтра на работу.

— Работа не волк, — буркнул дедушка.

— Волк, волк, — отозвалась его жена. — Еще какой. Вон, Инна вон какая худая. Совсем тебя там замотали.

— Я не худая. Я в норме.

— В норме она, — проворчала баба Галя, подкладывая ей еще картошки. — Ешь давай.

Инна ела. И думала о том, что через три года дедушка впервые попадет в больницу. Через пять — ляжет окончательно. А через семь — она будет стоять у его могилы и не сможет выдать ни слова.

Она смотрела на его руки, лежащие на столе. Крупные, темные, в трещинах. Руки, которые никогда не били, никогда не брали чужого, никогда не отпускали своих.

— Дедуш, — сказала Инна. — А научи меня паять.

Он поднял бровь.

— Паять? Зачем тебе?

— Чтоб уметь. Чтоб помнить.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Потом кивнул.

— Завтра. На закате. Паяльник в сарае, надо только жало почистить.

— Хорошо.

Она знала, что завтра ее здесь уже не будет. Что время вытолкнет ее обратно, в 2026-й. Что она не успеет научиться паять.

Но она успела спросить. А дедушка успел согласиться. Инна очнулась в темноте.

2026 год. Ночь. За окном редкие машины. На тумбочке — ошейник Грины, фотография Кармен. Она села на кровати и посмотрела на свои руки. Под ногтями — земля. Черная, влажная, с вкраплениями мелкого песка. Она забилась в кутикулы, засохла в складках ладоней. Инна поднесла пальцы к лицу и вдохнула. Пахло дедушкой. Пахло домом. Пахло временем, которое она успела у него украсть.

Она заплакала. Впервые за много лет — громко, навзрыд, не сдерживаясь. Слезы падали на руки, смывали землю, оставляли светлые дорожки.

— Я вернусь, — шептала она. — Я еще вернусь.

В кармане ее куртки, брошенной на стуле, лежал клочок бумаги. Инна не помнила, как он там оказался. Она развернула его. Неровный почерк, синие чернила, выцветшие от времени.

«Инна. Перцы поливай раз в три дня. Не чаще».

И ниже, мельче, почти неразборчиво:

«Я всегда знал, что ты придешь. Спасибо, что сказала».

Она прижала бумажку к губам.

За окном светало. В саду под окном, на клумбе, которую она не сажала, проклюнулся первый росток. Инна не знала, выживет ли он. Но она точно знала: она будет поливать его раз в три дня. Не чаще. Так дедушка научил.

Глава 4. Бабушка. Пирожки с четверга

Бабушка никогда не сидела без дела. Инна думала об этом, лежа в темноте, сжимая в руке дедушкину записку. Бабушка вязала, когда смотрела телевизор. Шептала молитвы, когда чистила картошку. Даже в очереди в поликлинике она не просто стояла — она перебирала в уме рецепты, раскладывала продукты по полкам холодильника, планировала, что сварит на ужин в следующую среду. Бабушка не умела отдыхать. Она говорила: «Успею налечь в гробу».

Инна ненавидела эту фразу. Потом, когда бабушки не стало, ненавидела еще сильнее. Потому что бабушка оказалась права — налечь она успела. А вот научиться просто сидеть, смотреть в окно, пить чай без повода — не успела ни-

когда.

Инсульт случился накануне Пасхи. Это бабушкин любимый праздник — День когда Иисус Христос Воскрес.

В то утро бабушка собралась в храм. Ставить свечку за здоровье. Инна помнила этот день: она сама приехала навестить бабушку, которая собиралась быстро, волновалась, уронила платок, подняла, сунула в сумку просфору.

— Может, завтра съездишь? — спросила Инна. — Дождь собирается.

— Дождь не дождь, а молиться надо, — ответила бабушка. Она ушла. А через час позвонили из храма.

Инна примчалась на такси. Бабушка лежала на скамейке в притворе, бледная, с перекошенным ртом, и смотрела куда-то вверх — то ли на купол, то ли сквозь него. Рядом суежилась женщина в синем халате, скорая еще не приехала.

— Бабуль, — сказала Инна, хватая ее за руку. — Бабуль, ты меня слышишь?

Бабушка моргнула. Она пыталась что-то сказать, но губы слушались плохо. Инна наклонилась ухом к самому рту.

— Про... про-сфо-ра... — выдохнула бабушка. — В сумке... не забудь... просфора...

Инна заплакала. Бабушка лежала на холодной скамейке, у нее отнялась половина тела, а она переживала о кусочке хлеба в сумке. Она прожила еще три года после того инсульта. Но это была не та бабушка. Та бабушка осталась там, в притворе, на скамейке, с просфорой в сумке. Инна хотела

вернуть ту бабушку.

Пятый прыжок вытолкнул Инну на крыльцо бабушкиного дома.

Сирень еще не цвела, но уже набухли тугие почки. Небо было серым, низким, пахло дождем. Где-то далеко погромы-хивало.

Инна стояла в куртке, которую носила уже давно — дешевый пуховик, на левом рукаве пятно от кофе. Она снова была молодой. Снова могла бежать, не задыхаясь, и таскать тяжелые сумки, и не считать таблетки в аптечке.

В доме горел свет. Инна подошла к окну и заглянула. Бабушка стояла у плиты. Живая, здоровая, прямая. Месила тесто — локти в муке, на носу капелька пота. Перед ней на табуретке лежал раскрытый молитвослов, но бабушка в него не смотрела, она смотрела в окно, на небо.

— Гроза будет, — сказала она вслух. — Надо быстрее.

Инна вошла без стука. Бабушка обернулась. Увидела внучку, стоящую на пороге, и не удивилась. Бабушка вообще никогда не удивлялась Инниным внезапным приездам. Она только вытирала руки о фартук и говорила: «Мой руки, сейчас есть будем».

— Бабуль, — сказала Инна. — Я приехала.

— Вижу. — Бабушка снова повернулась к тесту. — Голодная?

— Нет.

— Врешь. Вон глаза какие. Голодная.

Инна подошла к плите. Запах дрожжей, ванили, теплого масла. Бабушкины руки месят, складывают, мнут — быстрые, ловкие, в золотых кольцах муки.

— Ты в храм собираешься? — спросила Инна.

— Да, — ответила бабушка. — Надо свечку поставить.

— Дождь будет.

— Ну и что. Не сахарная, не растаю.

— Я схожу, — сказала Инна. — Ты дома оставайся.

Бабушка подняла голову. Посмотрела на Инну внимательно, прищурившись.

— Чего это ты?

— Ничего. Просто схожу.

Инна знала. Она знала, что через час бабушка наденет пальто, возьмет сумку, перешагнет порог и упадет на крыльце храма с разрывом сосуда в голове. Она знала, что «скорая» будет ехать сорок минут, потому что субботник, перекрыли улицу. Она знала, что просфора так и останется лежать в сумке, неразломленная, несъеденная.

— Бабуль, — сказала Инна. — Научи меня пирожки печь. Бабушка замерла.

— Чего?

— Пирожки. Твои. С капустой. Я не умею, а надо.

— Сейчас? — Бабушка посмотрела на часы. — Так мне ж в храм...

— Успеешь. — Инна сняла куртку, повесила на крючок.

— Я быстро учусь.

Бабушка смотрела на нее долго. Потом вздохнула.

— Руки мой.

Инна мыла руки под ледяной водой, глядя в мутное зеркальце над раковиной. Из кухни доносилось бабушкино ворчание:

— Тесто вчерашнее, подошло уже, надо сегодня новое ставить, а ты тут с пирожками... И капуста кончается, всего пол кочана осталось... Ну ладно, на маленькие хватит...

Инна вытерла руки и вернулась на кухню.

— Садись, — бабушка подвинула ей табуретку. — Смотри.

Она отщипнула кусочек теста, обваляла в муке, расплющила в лепешку.

— Края должны быть тоньше, середина толще. Тогда начинка не вытечет. Поняла?

— Поняла. — ответила Инна.

— Покажи. — попросила бабушка.

Инна взяла тесто. Оно было теплое, живое, дышащее. Пальцы утонули в мягкой упругой массе.

— Толстые края, — сказала бабушка. — Ты что делаешь?

— Учусь. — ответила Инна.

— Плохо учишься. Давай сюда. — попросила бабушка.

Бабушка перехватила ее руки, поправила, сжала пальцы вокруг скалки.

— Вот так. Не дави, катай. Тесто любит ласку.

Инна катала. Тесто послушно расплзлось под скалкой,

липло к пальцам, рвалось по краям.

— Ничего, — сказала бабушка. — Первый блин комом. Второй тоже. А третий — уже пирожок.

Инна улыбнулась.

— Бабуль, — сказала Инна. — А ты жалеешь о чем-нибудь?

Бабушка долго молчала. Тесто ходило под ее пальцами, вздыхало, пузырилось.

— Жалею, — сказала она наконец. — Что мало радовалась. Все боялась: вдруг завтра война, вдруг голод, вдруг болезнь. А оно вон как вышло — войны не было, голода не было, а жизнь прошла.

— Она не прошла. Она есть.

— Есть, — согласилась бабушка. — Пока ты здесь, есть.

Она взяла Иннину ладонь и положила на тесто.

— Чувствуешь? Живое. Дышит. Вот что важно, Инна. Не свечки, не молитвы. А чтобы было кому тесто передать.

Инна прикусила губу.

— Я запомню.

— Запомни, — кивнула бабушка. — А теперь начинку клади. Не жалей, капуста нынче дешевая.

Они лепили пирожки. Тридцать штук. Сорок. Пятьдесят. Бабушка смазывала их яйцом, отправляла в духовку. Инна мыла посуду и смотрела в окно. Дождь так и не пошел. Тучи разошлись к полудню, выглянуло солнце. Бабушка взглянула на часы.

— Ой, — сказала она. — Полдень уже. В храм-то я опоздала.

— Завтра сходишь, — сказала Инна.

— Завтра пятница. По пятницам я борщ варю.

— В субботу.

— В субботу поминки у соседки.

— В воскресенье.

Бабушка посмотрела на Инну. Долго, внимательно, как тогда, на крыльце, когда Инна приехала прощаться в первый раз.

— Ладно, — сказала бабушка. — В воскресенье схожу.

Она сняла фартук, повесила на крючок. Села на табуретку, выдохнула.

— Устала я что-то. Ноги гудят.

— Ты приляг, — сказала Инна.

— Некогда лежать. Вон пирожки стынут.

— Я уберу.

Бабушка посмотрела на нее. И вдруг улыбнулась — той редкой улыбкой, которая появлялась, когда Инна в детстве приносила ей одуванчики.

— Хорошая ты у меня, — сказала бабушка. — Добрая.

Инна обняла ее. Она обнимала бабушку, чувствуя под руками тепло старого тела, запах муки и ванили, и думала: вот оно. Вот как надо было. Не говорить: «Не ходи туда». Не запрещать. Не предупреждать. Надо было просто остаться. Стать причиной, по которой бабушка останется дома. Не

долгом, не обязанностью, не страхом. А пирожками, которые надо долепить. Тестом, которое надо передать. Внучкой, которая не умеет готовить и которую надо научить. Инна разжала объятия.

— Бабуль, — сказала она. — Я поеду скоро.

— Куда?

— Домой. Работа.

— Работа не волк, — машинально ответила бабушка. И добавила: — Приезжай еще. Я тебя научу борщ варить. Твой-то, небось, одна вода.

— Одна вода, — согласилась Инна.

— То-то же. Приезжай.

— Приеду.

Она надела куртку, застегнула молнию. В кармане лежал ошейник Грины — верный, теплый, тяжелый. У порога она обернулась. Бабушка сидела за столом, перебирала молитвослов. Пальцы скользили по страницам, губы шевелились беззвучно.

— Бабуль, — сказала Инна.

— М?

— Просфору завтра купишь. Сегодня уже поздно.

Бабушка подняла голову.

— Какую просфору?

— За здоровье.

— А, — бабушка кивнула. — Куплю.

Инна шагнула за порог. Время сомкнулось за спиной. Она

очнулась в 2024 году. На кухонном столе стояла тарелка с пирожками. Теплыми, румяными, с хрустящей корочкой. Инна не помнила, как пекла их. Может, не пекла вовсе. Она взяла один, откусила. Капуста, лук, чуть-чуть сахара. Бабушкин рецепт, который она так и не записала.

Инна жевала и смотрела в окно. За окном был четверг. Обычный четверг, без дат и названий. Дождь моросил по стеклу, стекал тонкими струйками вниз. Она достала телефон, набрала номер.

— Бабуль, — сказала она в трубку. — Ты как?

— Нормально, — ответил голос. — Борщ варю. А ты?

— Я пирожки пекла.

— С чем?

— С капустой.

— Края тонкие сделала?

— Тонкие.

— Молодец. — Пауза. — Приедешь?

Инна зажмурилась.

— Приеду. В воскресенье.

— В воскресенье я в храм собиралась.

— А в понедельник?

— В понедельник можно и в понедельник. — Бабушка помолчала. — Приезжай. Я тебя борщом накормлю.

— Хорошо.

Инна положила трубку. На столе остывали пирожки. За окном шел дождь. В кармане куртки лежал ошейник Грины,

дедушкина записка и маленькая засохшая просфора, которую Инна нашла утром в своей сумке.

Она не знала, из какого она времени. Из того, где бабушка упала на крыльце храма, или из этого, где бабушка варит борщ и ждет ее в гости. Она знала только одно. Время — круг. И если идти по нему достаточно долго, можно выйти к точке, где бабушка жива, дедушка поправляется после болезни, а на столе всегда есть теплые пирожки.

Инна взяла второй пирожок. Капуста была чуть сладковатой. Совсем как в детстве.

Глава 5. Гарфилд и Барсик. Эпоха котов

Они не должны были любить друг друга.

Гарфилд появился после Барсика — рыжий, худой, с мордой философа и полным отсутствием совести. Его принес мой муж. Гарфилд вошел в дом, как хозяин: обошел все углы, потерся о каждый косяк, опрокинул герань и улегся на единственном солнечном пятне на полу.

— Нахал, — сказал муж.

Гарфилд прищурился и замурчал.

Барсик появился на полгода раньше. Его взяли из семьи мастера маникюра. Он был серо-белого окраса с зелеными глазами. Шерсть была блестящей. Он был красивым серо-белым котом с белыми носочками и тихим, деликатным характером.

Гарфилд обожал Барсика. Это было смешно. Барсик — наглый, самодовольный, занятой исключительно собой и

едой. Гарфилд — скромный, вежливый, готовый уступить лежанку, миску, солнечное пятно. Барсик откровенно пользовался этим: ел первым, спал на лучшем месте, получал двойную порцию ласки.

А Гарфилд просто сидел рядом и смотрел на него с обожанием.

Инна думала: это однолюбие. Неразделенная любовь. Барсик выбрал себе бога и поклонялся ему, не требуя ответа.

Но однажды ночью она проснулась от странного звука. Гарфилд вылизывал Барсика. Тщательно, старательно, водил языком по серой шерсти, прижимал лапой, прихватывал зубами холку. Барсик зажмурился и мурчал так громко, что вибрировала подушка.

Инна затаила дыхание. Гарфилд почувствовал взгляд, поднял голову, посмотрел на Инну в упор. В его зеленых глазах не было смущения. Только вызов: «Да, я его люблю. И что ты сделаешь?»

Инна ничего не сделала. Она просто лежала и смотрела, как два кота спят на одной подушке, переплетя хвосты. Они ушли почти одновременно.

Сначала Гарфилд. Почки, отказ внутренних органов. Инна пришла попрощаться. Гарфилд лежал на ковре. Он смотрел в стену и не реагировал на голоса.

— Гарфи, — позвала Инна.

Уши дрогнули. Он повернул голову — медленно, тяжело. Посмотрел на Инну. И вдруг замурчал. Так громко, как в

детстве. Когда она приносила ему сметану. Когда чесала за ухом. Когда он лежал у нее на коленях и слушал, как стучит ее сердце. Инна заплакала. Гарфилд умер к вечеру.

Барсик пережил его на пол года. Он не болел. Ветеринар разводил руками: анализы хорошие, сердце крепкое, возраст не критичный. Просто кот перестал есть и много спал. Миска стояла нетронутой день, два, три. Барсик лежал на подушке Инны, свернувшись калачиком, и смотрел в одну точку.

— Он тоскует, — сказал муж. — Коты тоже тоскуют.

Инна пыталась кормить его с рук. Барсик вежливо брал кусочек, жевал, глотал. И отворачивался.

На двадцатый день он не встал с подушки. Инна держала его на руках, гладила серую шерсть, слушала тихое, угасающее дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.